

Рента, налоги и политическая партиципация: долгосрочные эффекты городской автономии в новых исследованиях по экономике развития Статья 1

*В.В. АРСЛАНОВ**

***АРСЛАНОВ Василий Викторович** – PhD, старший научный сотрудник Института экономики РАН. Адрес: Москва, 117218, Нахимовский пр., 32. E-mail: arslanov@gmail.com

В статье рассматривается одна из центральных проблем экономической модернизации – создание и поддержание эффективной системы государственного управления в условиях зависимости страны от внешних кредитов и инвестиций. На основе ряда новых исследований экономического развития Западной Европы показано, что в XIII–XVIII вв. при снижении доступности внешнего финансирования европейские государства стремились к поиску альтернативных источников дохода и совершенствованию налоговой системы и бюрократического аппарата. На примере итальянских автономных городов также рассматривается вопрос о взаимосвязи государственного долга, налоговой системы и парламентского контроля.

Ключевые слова: развитие, качество управления, рост, дееспособность государства, государственный долг, политическая централизация, городская автономия, модернизация.

DOI: 10.31857/S086904990009199-0

JEL: H63, H71, N13, F63, O57, P52.

Цитирование: Арсланов В.В. (2020) Рента, налоги и политическая партиципация: долгосрочные эффекты городской автономии в новых исследованиях по экономике развития. Статья 1 // Общественные науки и современность. № 2. С. 145–161. DOI: 10.31857/S086904990009199-0

Rent, Taxes, and Political Participation: Long-Term Effects of Urban Autonomy in Recent Studies in Development Economics. Article 1

*Vasily V. ARSLANOV**

***Vasily V. Arslanov** — PhD, senior research fellow of Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. Address: 32 Nakhimovsky av., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: arslanov@gmail.com

Abstract. The article addresses a central modernization problem: how to build and maintain effective public administration while being dependent on foreign debt and investment? Based on a review of the recent literature, the article shows that, in the 13th–18th centuries, Western European states facing outside finance shortage tended to look for alternative source of revenue and improve their fiscal systems and bureaucracies. The article also uses the case of Italian urban autonomy to discuss whether public debt, fiscal system and parliamentary control are interdependent.

Keywords: development, good governance, growth, state capacity, public debt, political centralization, urban autonomy, modernization.

DOI: 10.31857/S086904990009199-0

JEL: H63, H71, N13, F63, O57, P52.

Citation: Arslanov V.V. (2020) Rent, Taxes, and Political Participation: Long-Term Effects of Urban Autonomy in Recent Studies in Development Economics. Article 1. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 145–161. DOI: 10.31857/S086904990009199-0 (In Russ.)

Вышедшая в 2012 г. книга Д. Аджемоглу (Асемоглу) и Дж. Робинсона “Почему одни страны богатые, а другие бедные” вызвала оживленную общественную дискуссию о значении учета социально-политических особенностей развивающихся стран при разработке структурных экономических реформ и о последствиях недооценки экономистами этих особенностей. Данный фактор, как признают многие, соглашаясь с авторами книги, выступает одной из наиболее важных причин неудачи многих модернизационных инициатив. Тем не менее единого мнения по вопросу о соотношении институциональных и неинституциональных факторов экономического роста все же так и не сформировалось.

На сегодняшний день в среде профессиональных экономистов дебаты о значении политических институтов несколько утрачивают злободневность, уступая место, в частности, обсуждению влияния на экономические перспективы развивающихся стран глобального потепления и роботизации промышленности. Однако тема эффективности экономических реформ в странах со слабыми – или вовсе неработоспособными – институтами, так решительно вынесенная в книге Аджемоглу (Асемоглу) и Робинсона на первый план, по-прежнему остается насущной как для развивающихся, так и для индустриально развитых стран. От того, какова в каждом конкретном случае позиция реальных политиков и политических партий, зависит в том числе и объем средств на программы развития, которые готовы выделить богатые страны-доноры, то есть бюджетные возможности тех или иных государств.

С проблемой политических институтов как фактора экономического развития тесно, но не всегда явно связано понятие “качественного”, или “достойного”, (В. Гельман) государственного управления – “*good governance*”¹. В экономической литературе качественное управление обычно ассоциируется с успешным противодействием коррупции и быстрой и согласованной работой государственных структур с физическими лицами и организациями. Характерно, что сам термин “*good governance*” появился в рамках исследований в области экономики развития и служит в них своего рода ориентиром для измерения проблем в разнообразных сферах управления, приводящих к систематическим сбоям (так называемому “*bad governance*”). Для объяснения прогрессирующих проблем в таких индустриально развитых странах, как Франция или Италия, в рамках модели Аджемоглу (Асемоглу) и Робинсона может быть полезным рассмотрение управления в отдельности от “хороших”, то есть благоприятных для экономического роста, институтов. Однако

¹ См. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/05/17/641249-krug-pravleniya>; https://eusp.org/sites/default/files/archive/M_center/M_49_16.pdf.

поскольку данная модель предназначена прежде всего для изучения проблем развивающихся стран, абстрагирование практик государственного управления от их институционального контекста формирует слишком схематичную картину реальности. Те или иные практики, взятые в отдельности, могут оцениваться как эффективные, но если они не способствуют созданию и укреплению “хороших институтов”, их польза для государства в долгосрочной перспективе эфемерна. Та же проблема дифференциации институтов и практик государственного управления отражается в спорах о наиболее предпочтительном амплуа политика-реформатора, когда речь идет о выборе между технократом и визионером.

Наконец, в ряде трудов по экономике развития остается неясным соотношение между институтами и политическим режимом (будь то демократия, автократия либо разные промежуточные – “гибридные” – варианты). Эмпирические данные в целом допускают самые разные и даже взаимоисключающие интерпретации характера отношения между демократией и институтами. Так, сторонники теории модернизации (С. Липсет) допускают постепенное созревание институтов защиты прав собственности и в недемократических государствах, тогда как видные институционалисты (например, Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст) подчеркивают причинно-следственную связь между победой демократии и утверждением институтов, благоприятных для стабильного экономического роста.

В основе тезиса, что различия в институциональном устройстве – одна из важнейших, если не главная, причина как успехов, так и неудач структурной трансформации хозяйственного комплекса развивающихся стран [Besley, Persson 2011], лежит предположение, что “хорошие” институты, например независимая судебная система и защита интеллектуальной собственности, необходимы для успешного функционирования рыночных механизмов, которые, в свою очередь, создают оптимальные условия и стимулы для внедрения технических инноваций, эффективных методов управления и повышения производительности труда. Однако само по себе утверждение, что “хорошие” институты благоприятны для устойчивого экономического роста, не дает ответа на вопрос, который возникает при сопоставлении правовых систем и правоохранительных органов разных стран: почему в одних странах институты, способствующие экономическому развитию, формируются или приживаются быстрее, а в других – медленнее или не приживаются вовсе? Кроме того, вышеупомянутый тезис не позволяет определить, насколько условия, благоприятные для формирования “хороших” институтов, зависят от исторических особенностей, общественного запроса и политических приоритетов руководителей данной страны [Nunn 2009].

В этой связи примечательна многолетняя дискуссия о так называемом “сырьевом проклятии”, которая побуждает исследователей рассматривать в разных ракурсах особенности экономической динамики развивающихся стран. Так, анализ их институционального и политического развития на протяжении последних десятилетий (начиная со скачка мировых цен на нефть в 1973 г.) показывает, что те из развивающихся стран, в экспорте которых значительную долю составляет сырье, и прежде всего минеральные ресурсы, менее склонны укреплять независимость судебной системы и проводить структурные реформы. По мнению ряда авторов (см. обзор литературы в [Ross 2015]), выявивших корреляцию ресурсозависимого экспорта и “деградации” институтов, для стран со значительными доходами от вывоза природных ресурсов характерно нежелание проводить структурные реформы и способствовать повышению качества политических институтов и эффективности бюрократии.

Особо существенно выявление тенденции, согласно которой авторитарные режимы ресурсозависимых стран предпочитают полагаться главным образом на доходы от экспорта природных ресурсов, а не на собираемые налоги, поскольку налогообложение

усиливает запрос населения на открытость и подотчетность власти, то есть косвенно ослабляет ее легитимность [Anthonsen, Löfgren, Nilsson, Westerlund 2012]. Природная рента и неналоговые бюджетные поступления, отмечают исследователи, в целом способствуют укреплению автократии и некомпетентному государственному управлению [Ross 2015]; ранним примером “сырьевого проклятия” некоторые исследователи считают судьбу Испании (см. [van Zanden, Buringh, Bosker 2012, p. 852]).

Так ли это? Всегда ли автократиям невыгодно хорошо налаженное налогообложение? И напротив, всегда ли качественное налогообложение способствует удовлетворению демократических запросов общества или это происходит только при наличии определенных условий и культурных факторов [Ross 2004]? Если предположить, что нежелание правящего режима опираться на определяемые по строгой системе налоговые поступления из опасений подорвать основы собственной власти отрицательно сказывается на развитии институтов, можно допустить, что в долгосрочной перспективе отставание стран авторитарного типа от ведущих экономик мира будет расти, а их способность отстаивать свои позиции в отношениях с другими государствами – снижаться. К сожалению, изучение реальных особенностей функционирования модели “государства-рантье” остается пока на периферии современной экономической науки, которая уделяет основное внимание механизмам развитой рыночной экономики. При этом указанная проблема довольно активно ставится и анализируется в смежных с экономикой общественных науках: социологии, политологии, теории международных отношений, экономической истории. Возможно, одна из причин этого – доминирование в современной экономике количественных методов анализа и аргументации (см. [Капелюшников 2018; Либман 2018]), которые из-за неполноты данных далеко не всегда можно применять при изучении политических процессов и учреждений.

Рассмотрение сырьевой ренты в качестве дополнительной переменной наряду с политическим режимом, институтами и практиками государственного управления для оценки подготовленности страны к мерам по модернизации экономики может показаться реинкарнацией экономического (или географического) детерминизма. Однако, как свидетельствуют примеры США и Канады, обилие ценных природных запасов в недрах – отнюдь не приговор демократическому развитию. Правда, можно возразить, что сослаться на США и Канаду, оспаривая тезис о “сырьевом проклятии”, неправомерно, поскольку политические режимы этих стран оформились до начала эпохи нефти и газа. А вот ближневосточные и среднеазиатские автократии обязаны своим экономическим могуществом в первую очередь неиссякаемому спросу промышленно развитых стран на углеводороды. Как часто бывает в политической компаративистике, в случае государств с рентоориентированными экономиками трудно выделить причины инертности конкретных политических систем, так как рентоориентированное поведение может рассматриваться не только как фактор, но и как эффект таких систем.

В контексте изучения трудностей, с которыми сталкиваются развивающиеся страны в построении социальной инфраструктуры и системы предоставления общественных благ, понятен интерес экономистов к истокам экономического роста европейских стран. Хотя по ряду параметров некоторые современные страны похожи на аграрные европейские экономики доиндустриального периода (это и сравнительно низкая покупательная способность населения, низкий уровень образования, высокий уровень насилия, и неразвитая инфраструктура, и преобладание сельского хозяйства и добывающей промышленности, и т.д.), важно учитывать ограниченность любых исторических аналогий. Сопоставление современных развивающихся экономик со значительной долей сырьевого сектора с похожими на них экономиками европейских стран в Средние века и Раннее Новое время вряд ли сможет дать универсальный ответ на вопрос об освобождении из институциональных ловушек модернизации. Однако история трансформации аграрных экономик Западной

Европы в индустриальные соблазняет экономистов найти в ней тот решающий ингредиент, который составляет секрет устойчивого роста и процветания.

Современные исследования по экономике развития исходят из предположения о постепенном накоплении западными странами конкурентных преимуществ, которые позволили им выйти на путь инновационного экономического роста [Rubin 2017]. При этом представляется важным дополнить исторический анализ взаимосвязи налоговой системы, ресурсной ренты, военной экспансии и государственного управления понятийным разграничением. А именно, необходимо разделять государственных служащих, то есть оплачиваемых из государственного бюджета чиновников, и выборных представителей общин и организаций, участвующих как в регулировании конфликтов внутри этих сообществ, так и в отстаивании интересов своих сограждан при переговорах с внешними силами. Данное уточнение поможет избежать расплывчатости, нередко присущей употребляемым в литературе терминам “чиновники” и “госслужащие” вследствие переноса аналогичных иностранных обозначений (например, англ. “*public servants*”) на разнородные социальные явления.

Согласно влиятельной в политологии и экономической социологии точке зрения, наличие эффективного бюрократического аппарата представляет собой важное условие экономического развития [La Porta, Lopez-de-Silvanes, Shleifo, Vishny 1999]. Ссылаясь на опыт “восточноазиатских тигров” (Сингапур, Тайвань, Южная Корея, Япония), сторонники концепции “государства развития” (“*developmental state*”) утверждают, что отлаженная работа бюрократического аппарата оказывается ключевым фактором успешного перехода от экстенсивного к интенсивному росту. Особое внимание при этом обращается на корреляцию между мощностью аппарата государственного управления и способностью государства эффективно собирать налоги и выполнять свои обязательства по предоставлению населению общественных благ. Концепция “государства развития” основана на представлении об автономии бюрократического аппарата. Под бюрократической автономией Д. Рюшмайер и П. Эванс, в частности, понимают существование организационно развитой системы с особым “корпоративным духом”, так называемой “веберийской бюрократии”, для которой характерны “единство и согласованность организации, ее дифференциация и обособленность от социального окружения, однозначная схема принятия решений и субординация, а также внутренние особенности, способствующие целерациональной деятельности” [Рюшмайер, Эванс 2011, с. 60].

Те же авторы, однако, замечают, что для эффективности государственного управления отдельные структуры должны обладать относительной свободой принятия решений и что более гибкая, децентрализованная, система управления может войти в конфликт с принципом субординации [Рюшмайер, Эванс 2011, с. 62]. Согласно Рюшмайеру и Эвансу, успешные “государства развития” решают данную проблему путем расширения контактов между компаниями, деловыми ассоциациями и государственными органами, отвечающими за регулирование экономики. Таким образом, бюрократическая автономия оказывалась “встроенной” (“*embedded*”) в более широкий социальный контекст, что обеспечивало необходимую информированность чиновников и способствовало принятию взвешенных, компромиссных решений.

Однако сами теоретики “государства развития” признают, что рецепт успеха “азиатских тигров” не удалось применить большинству развивающихся стран, поскольку бюрократическая автономия в них либо отсутствует, либо является неполной или, во всяком случае, “невстроенной”. Если проводить параллели с африканскими и южноамериканскими странами, то следует принять во внимание и наличие в восточноазиатских “государствах развития” относительно влиятельных коммерческих и промышленных компаний, ориентированных на экспорт промышленного производства.

Ресурсная рента до промышленной революции

Попробуем понять, какова была в Раннее Новое время роль автономии бюрократии в реализации курса, благоприятствующего экономическому развитию. А также какое было влияние налоговых и неналоговых источников пополнения бюджета, и прежде всего кредитов, на принятие решений в области экономической политики на примере формирования западноевропейских государств. Можно ли говорить о случаях “авторитарной модернизации” в ту эпоху, с учетом немногочисленности устойчивых институтов и зависимости экономик от внешнего финансирования?

Если рассматривать государство как особый тип социальной организации, то в числе его главных особенностей следует назвать централизованное принятие решений, реализуемых на определенной территории. Государственная власть есть власть централизованная. С этой характеристикой связаны властные атрибуты, отсутствующие в исторически более ранних и структурно более аморфных типах политической организации, – постоянно действующие органы контроля и управления и должностные лица, работающие в этих органах и выполняющие решения верховной власти на местах. Функционально эти атрибуты универсальны для того типа организации, который в общественных науках принято называть государством, однако структурно они не сводимы к какой-либо одной модели, будучи тесно связаны с социальным контекстом. Например, госслужащий Российской империи эпохи Николая I как “социологический тип” не тождествен китайскому чиновнику империи Цинь, который, в свою очередь, не тождествен, скажем, баскакам монгольских ханств. И отсутствие у того или иного типа чиновника определенных свойств или, напротив, приписывание ему таковых исследователем, как правило, только затрудняет понимание конкретных исторических явлений, не способствуя более глубокому анализу факторов развития, общих для государств разных периодов.

Понятно, что для обеспечения бесперебойного функционирования, в том числе для поддержания дееспособности органов сбора и трансляции информации, мониторинга и контроля за выполнением разнообразных решений центральной власти необходимо бесперебойное финансирование. Однако отлаженная налоговая система – одна из важнейших опор современного государства – возникла сравнительно поздно. Во всемирно-исторической ретроспективе первая политическая система, то есть совокупность методов перманентного централизованного управления ресурсами и населением взаимосвязанных территорий – деспотия. Наиболее точный русский аналог этого термина – “самодержавное царство”. Используя известную формулу М. Вебера, можно сказать, что в деспотии группа людей, представляющая государство, с успехом претендует на роль верховного арбитра в социальных конфликтах, в том числе с применением силы [Вебер].

По мнению Аджемоглу (Асемоглу) и Робинсона, особенностью политического развития стран Западной Европы XVI–XIX вв., в значительной степени определившей экономическое лидерство этого региона, было постепенное расширение сил, влияющих на принятие ключевых решений, при ограничении власти монарха посредством “инклюзивных институтов” [Acemoglu, Robinson 2012]. При этом они отмечают, что в других частях Европы централизация не сопровождалась расширением доступа населения к государственному управлению и что эта разноректорность развития стран одного культурного ареала позволяет говорить о “малом расхождении”, по аналогии с “великим расхождением” между Европой и Азией (см. [Pomerantz 2000]). Изучая вслед за данными авторами вопрос о фундаментальных причинах этого “малого расхождения”, ряд исследователей сосредоточили внимание на сюжете, оставшемся за рамками концепции формирования инклюзивных институтов. Речь идет о влиянии появившегося в XII в. кредита на трансформацию рентоориентированных (преимущественно аграрных) и политически относительно слабо централизованных государств.

Заслуживает внимания, в частности, выявленная современными учеными взаимосвязь двух параллельных процессов в западноевропейских странах Позднего Средневековья: стремительного роста торговли (явление, обозначаемое в историографии обычно как “коммерческая революция” [Lopez 1971; Gies, Gies 1972]) и фискальной централизации, вызванной во многом внутренними и внешними конфликтами и ассоциируемой в литературе с формированием так называемого “военно-фискального государства” [Brewer 1989, Bonney 1999, Glete 2002]². На протяжении столетий центральная власть оказывалась перед непростой дилеммой – инвестировать в сложную систему сбора податей, позволяющих содержать аппарат государственного управления за казенный счет или по крайней мере частично его “приватизировать”, то есть перевести ряд чиновников на “кормление” жителями входящих в их зону контроля областей. Хотя второй путь таил опасность постепенной дезинтеграции системы и отпочкования подвластных чиновникам областей, превращаемых ими в независимые государства, многие государства выбирали его во многом из-за неразвитости товарно-денежных отношений на их территории.

Значительная часть сравнительных исследований экономического развития последних десятилетий посвящена проблеме укрепления дееспособности государства в связи с поиском глубинных политических причин неэффективности реформ в ряде развивающихся стран (см. определение понятия “state capacity” и обзор литературы по этой тематике в [Johnson, Koyama 2017]; варианты перевода термина см. в [Mamseev 2018]). Результаты эмпирических и теоретических исследований в целом подтверждают тезис Й. Шумпетера о центральной роли системы налогообложения в формировании суверенных европейских государств Раннего Нового времени. Не случайно Шумпетер говорил о типичном европейском государстве как о “налоговом государстве” (“Steuerstaat“, см. [Schumpeter 1976]). Социолог Ч. Тилли развил тезис Шумпетера, указав на первопричину формирования системы налогообложения в Европе: растущую потребность монархов в деньгах по мере увеличения армий, состоявших в основном из наемников, и усложнения военных технологий [Tilly 1985]. Вслед за Тилли ряд современных авторов подчеркивают ключевую роль насилия и военной конкуренции в формировании государств Нового времени [Rubin 2017, p. 19; Gennaioli, Voth 2015].

Значимой, с точки зрения сравнительных исследований экономического развития является трактовка тезиса Тилли, предложенная Р. Бэйтсом и Д.-Х. Льемом, которая, в свою очередь, была отмечена во влиятельной работе М. Леви: в связи с растущей зависимостью английских и французских монархов от налогов на движимое имущество на протяжении позднего Средневековья и Раннего Нового времени пропорционально росла переговорная сила представителей торгового сословия и, как следствие, их вес в парламенте [Bates, Lien 1985; Levi 1988]; (см. также [Dincecco 2015]). Таким образом, развитие системы налогообложения привело к усилению не только дееспособности государства, которая определяется большинством экономистов как эффективность сбора налогов и предоставления государством общественных благ населению, но и общественного контроля за принятием политических решений на уровне органов представительной демократии [Brautigam, Fieldstad, Moore 2008].

Существенно дополняет тезис Тилли напоминание о том, что страны, боровшиеся в XV–XVIII вв. за свою гегемонию в Европе, использовали разные методы для формирования эффективной системы сбора налогов [Karaman, Pamuk 2013]. Так, Дж. Рубин, сопоставляя фискальные системы Османской империи XV–XVI вв. и современных ей западноевропейских монархий, обращает внимание на примечательный парадокс. Хотя европейские правители в целом собирали меньше налогов, чем османские султаны, и при этом нуждались в одобрении бюджетов сословно-представительными учреждениями, именно “слабость”

² О повлиявшей на Дж. Брюера концепции военной революции XVII в. см. [Roberts 1955].

европейских монархов, зависевших от парламентов, в долгосрочной перспективе способствовала формированию более сильного (в том числе в военном отношении) государства. К середине XVII в. Англия, Франция и Нидерланды собирали уже больше налогов, чем значительно превосходившая их по площади и населению Османская империя [Rubin 2017, p. 189] (см. также [Karaman, Pamuk 2010; Wickham 2016, p. 233]). При этом в Нидерландах доход от налогов на душу населения был более чем в 11 раз выше, чем аналогичный показатель Османской империи [Rubin 2017, p. 187, таблица 8.7]. Характеризуя значение налоговой системы для политического развития европейских государств в Средние века, К. Уикхем утверждает: правители, не создавшие сильные фискальные системы, были более ограничены в свободе действий, чем главы государств, обладавших такими возможностями [Wickham 2016, p. 218].

В литературе по экономике развития европейских стран до промышленной революции много внимания уделялось укреплению центральной власти, увеличению налоговой базы и росту денежной экономики. При этом картина макроэкономической динамики и региональной специализации в доиндустриальную эпоху остается туманной. Между тем большинство европейских стран Средневековья в еще большей степени зависели от экспорта природных ресурсов, чем хрестоматийные рентиориентированные экономики современности. В отличие от последних средневековые страны не были, как правило, политически стабильными. Ресурсная рента могла способствовать их фрагментации, как было в Речи Посполитой, и не гарантировала поступательного движения к централизованному государству. Но, пожалуй, наиболее важным отличием рентиориентированных европейских государств доиндустриальной эпохи было то, что экспорт ресурсов (древесины, зерна, металлов) не покрывал быстро растущих расходов, вызванных, с одной стороны, межгосударственной конкуренцией, а с другой – кооптацией нерадивой феодальной аристократии и финансирования необходимого для контроля за ней чиновничества.

Что происходит с государством, у которого не хватает средств на содержание лояльных бюрократов и вооруженных сил для укрощения своевольной аристократии? Как демонстрируют многочисленные примеры, в том числе европейской истории Раннего Средневековья, в таких случаях начинается децентрализация, которая может привести к междоусобице и даже распаду государства. В Позднее Средневековье и Новое время в ряде областей такие процессы периодически начинались после периодов относительной стабильности, однако правителям крупных держав, таких как Англия и Франция, удавалось их быстро подавлять. Одним из существенных преимуществ правителей этого периода по сравнению с предшествующими эпохами была возможность получения крупной ссуды. Проиллюстрируем это наблюдение одним примером необычного партнерства между правителем и его подданным.

В 1519 г. в Священной Римской империи германской нации проходили выборы императора. Выборщикам (шестерым немецким князьям и королю Богемии) предстояло избрать главу империи из двух кандидатов – испанского короля Карла I и французского короля Франциска I. По мнению историков, решающим фактором победы испанского монарха, оказавшейся в итоге роковой для судьбы империи, был кредит торгового дома Я. Фуггера на “колоссальную” по тем временам сумму в 543 тысячи флоринов. С помощью этих денег Карл смог подкупить выборщиков. Франциску Фуггер в кредите отказал. Хотя с кредитными монархами, особенно испанским, были традиционно связаны высокие риски и постоянно существовала опасность дефолта [Acemoglu, Robinson 2012, p. 219], в этот раз Фуггер не прогадал. Заем был возвращен с процентами, а к 1547 г. состояние Фуггера насчитывало свыше 900 тысяч флоринов [Rice, Grafton 1994, p. 48]. Кроме расчета на увеличение капитала с процентов по кредиту (которые нередко превышали 20%) Фуггер делал ставку и на расширение своей коммерческой деятельности. В частности, он надеялся увеличить свою долю в высокодоходной торговле с испанскими колониями в Америке. Сходным

образом генуэзские кредиторы испанских монархов получили фактически монопольный контроль над внутренним рынком Испании и откупом налогов в этой стране, которые во многом шли на финансирование внешних займов [Johnson, Koyama 2014; Drellichman, Voth 2014]. Монарху, чтобы стать более могущественным правителем, нужен был капитал, а купцу, чтобы обойти конкурентов, требовалась благосклонность монарха.

Анализируя литературу, посвященную влиянию войны и налогообложения на возникновение европейского государства Нового времени с его институтами представительной демократии, ограничивающими власть единоличного правителя, Д. Стэсеведж обращает внимание на то, что в других частях света регулярные расходы правительств на войны не привели к появлению демократических идей и институтов [Stasavage 2016^a], что свидетельствует либо о необоснованности тезиса Бейтса и Льена, либо об “исключительности” Европы. Ответ, к которому склоняется ученый, состоит в том, что в европейских странах при возникновении острой необходимости собирать налоги для покрытия растущих расходов казны, не было, в отличие, например, от Китая, сложившейся сильной и централизованной административной системы. В отсутствие мощной бюрократии и при относительно сильной феодальной (или помещичьей) аристократии государство было вынуждено идти на компромисс с элитами и допускать их к участию в политическом процессе. Однако в средневековой Европе формирование государства было более сходно, чем полагает Стэсеведж, с аналогичными процессами в Евразии. Принципиальное отличие здесь, на мой взгляд, состоит в источниках кредитования государственных расходов, позволявших поддерживать конкуренцию европейских держав за гегемонию на континенте. Напротив, при невозможности получения кредита – а также сравнительной слабости аристократии – государство эволюционировало в направлении максимальной централизации при минимальном политическом представительстве налогоплательщиков, как это было, в частности, в Российской империи.

Кредит Фуггера Карлу Габсбургу был возможен благодаря усилению европейского купечества и другим трансформациям, катализатором которых стали коммерческая и коммунальные революции XII в. При этом важно подчеркнуть, что коммунальное движение было вызвано коммерческой революцией, но не было ей *детерминировано*. В условиях сравнительно низкого уровня торгово-денежных отношений, высоких затрат на материальное обеспечение вооруженных сил и готовности иностранных кредиторов предоставить требуемую сумму наиболее простым средством финансирования военных кампаний является внешний заём. Именно этот способ финансирования был популярен в европейских монархиях XII–XVI вв. Очевидно, ключевое условие данного типа финансирования военных и иных расходов государства – *наличие кредиторов*.

Первыми кредиторами европейских монархов были еврейские ростовщики и итальянские купцы, а также орден тамплиеров. Учитывая слабую правовую защищенность евреев и ликвидацию ордена тамплиеров в начале XIV в., фактически единственным источником займов большинства европейских монархов на протяжении почти трех веков были семейные фирмы итальянских городов-государств: Генуи, Лукки, Флоренции и др. Несмотря на высокий процент, европейские монархи периодически обращались к итальянским банкирам за ссудами [Bell, Brooks, Moore 2008]. Сама возможность такого рода кредитных операций между государствами и частными лицами была, по всей видимости, беспрецедентной и объяснялась своеобразием политического устройства католической Европы, все государства которой формально подчинялись главе римско-католической церкви и, обладая высокой степенью независимости, действовали внутри единого правового поля — “латинского мира”. Как отмечал С. Эпстайн, история средневековой Европы по большей части состоит из попыток правителей придумать все более изощренные способы получить деньги от городов [Epstein 2009, p. 125]. Важнейшая предпосылка возникновения этих отношений – заинтересованность итальянских фирм в расширении рынка сбыта своей

продукции и увеличении объема производства и прибыли от экспортируемых товаров. Ссуды монархам были для итальянцев эффективным способом получить доступ (иногда монопольный) к крупным рынкам и дополнительный капитал, приобретаемый в виде процентов от займа. Сам факт того, что итальянские финансисты регулярно заключали сделки с такими ненадежными клиентами, как европейские короли, свидетельствует о масштабах ожидаемой прибыли, которая перевешивала все риски. В этих на первый взгляд взаимовыгодных отношениях на большую отдачу рассчитывали итальянские банкиры.

Подчеркну, что, во-первых, без наличия источников долгосрочного кредитования в условиях европейской многополярности политическая централизация и обособление структур государственного управления были бы маловероятны и, во-вторых, бенефициарами этих процессов оказывались в первую очередь кредиторы, которые при всех политических и финансовых рисках имели возможность обойти конкурентов в получении монопольного доступа к перспективным отраслям производства (например, горно-добывающей и металлургической промышленности) и потребительским рынкам. Таким образом, тезис Тилли о решающем значении инноваций в вооружении и росте расходов на оснащение вооруженных сил для развития фискальной системы в средневековых европейских монархиях [Tilly 1985] следует уточнить с учетом значения кредитных инструментов для первоначального финансирования расходов на военные нужды.

Социально-политический контекст возникновения государственного долга

В середине X в. начинается период потепления климата, продлившийся около 300 лет, – так называемый средневековый климатический оптимум. По всей вероятности, он стал ключевым фактором демографического роста в Европе примерно с XI столетия. Для политической и экономической истории Средиземноморья вторая половина XI в. знаменательна началом упадка исламской сверхдержавы, контролировавшей тогда торговые пути в Индию, на Аравийский полуостров и в Среднюю Азию, – Фатимидского халифата. Важным индикатором грядущего кризиса стало завоевание его владений в Южной Италии и Сицилии в конце XI в. Сочетание этих процессов сыграло решающую роль в возникновении и динамичном развитии итальянских торговых поселений в Северной Африке и на Ближнем Востоке [Epstein 2009; Wickham 2016]. Коммерческая революция стала прямым следствием успешной торговой деятельности венецианцев, генуэзцев и пизанцев, вскоре утвердившихся в качестве основных посредников в торговле между Латинским Западом и исламскими странами, а также Византией. Если рассматривать прирост населения в качестве свидетельства экономического роста доиндустриальной эпохи [Rubin 2017], то демографические показатели Генуи в XI–XIII вв. дают представление о масштабе экономической трансформации: в 1050–1200 гг. население города выросло на 100%, а в 1200–1300 – на 230%, достигнув в итоге 100 тыс. чел. Для сравнения, в Париже – крупнейшем западноевропейском городе в 1300 г. проживало 150 тысяч человек (см. [Greif 1998; Bairoch, Batou, Chèvre 1988]).

Экономический бум североитальянских городов был спонтанным. Торговая экспансия итальянцев стимулировалась не дальновидной меркантилистской политикой правителей, как было позднее в ряде европейских стран, а исключительно личной инициативой, энергичностью и деловой хваткой самих горожан³. Будучи пионерами коммерческой политики они экспериментировали с разными формами логистики и финансовых операций, которые впоследствии заимствовались правителями и предпринимателями. На ранних

³ Характерные для предпринимателей качества итальянских купцов вызывали у современников удивление и критику. Так, А. Комнина отмечала, что венецианцы и амальфийцы готовы пойти на любую низость ради прибыли [Комнина 1965, с. 184].

этапах торговой экспансии итальянцы сами перенимали финансовые инструменты у более опытных в коммерции арабов, евреев и византийцев [Beneš 2018, p. 429]. Однако ключевые инновации – банковское дело, государственный долг, внедренный позднее Нидерландами [Fritschy 2017], а затем Англией [Stasavage 2016^a], стали оригинальными изобретениями итальянцев. Два организационных открытия итальянских коммун XII в. – выделение особого суверенного долга для покрытия госрасходов и представительные учреждения для координации объединений городов и территорий (парламент Ломбардского союза) – были усовершенствованы в Нидерландах в XVI–XVII вв. Благодаря этому во время войны с Испанией Нидерланды стала страной с одним из самых высоких в Европе уровнем налоговых поступлений.

Существует ли связь между экономическим превосходством Венеции, Генуи и Пизы с XII столетия в ареале Средиземного моря и республиканской (“коммунальной”) формой государственного устройства, установившейся в них на рубеже XI–XII вв.? Сравнение с христианскими портовыми городами, не получившими или не сохранившими политическую автономию – Амальфи⁴, Гаэта, Салерно, Марсель, Барселона, – указывает на ее реальный эффект, понимаемой как полноценное участие бенефициаров морской торговли в политическом процессе, для экономического прогресса. Р. Лопес характеризовал итальянские города-государства как “правительства купцов, волей купцов и для купцов” [Lopez 1971, p. 71]. В исламских государствах торгово-промышленные элиты никогда не получали возможности подобного участия в управлении. По мнению специалиста по средневековой экономике исламских стран Средиземноморья Ш.-Д. Гойтейна, именно отсутствие политической власти у мусульманских коммерсантов в значительной мере обусловило их отставание от европейских конкурентов [Goitein 1999, p. 70]; (см. также [Rubin 2017, p. 65, 229; Jacob 2010; Guiso, Sapienza, Zingales 2016]).

Своеобразие образования городских коммун и обретения ими особого правового статуса (этот процесс начался в конце XI в. и в течение нескольких десятилетий распространился в Западной Европе) состоит в решимости жителей относительно богатых городов перенять у королей и крупных феодалов функции сбора налогов и при этом предоставить согражданам базовые общественные гарантии: защита жизни и частной собственности и обеспечение правосудия. Принципиально новой чертой итальянских коммун была их претензия на военную самостоятельность. Политическая независимость в тот период была фактически равнозначна независимости военной, что и показала война Ломбардской лиги против императора Фридриха Барбароссы. Городское самоуправление зиждилось на представлении о городе как особой корпорации, готовой выполнять военные и политические функции и отстаивать свои права на эти функции в конфликтах с правителями⁵.

Историческим контекстом этого, по сути, беспрецедентного в европейской истории политического опыта был кризис центральной власти в Северной Италии. Можно сказать, что организаторы первых итальянских коммун воспользовались удачным моментом “вакуума власти” [Wickham 2015, p. 196]. Однако далеко не всегда ослабление центральной власти приводит к самоорганизации отдельных областей; более того, как правило, фрагментация власти негативно сказывается и на региональном развитии⁶. В этом отношении случай итальянских коммун был совершенно нетипичным, поскольку

⁴ Амальфи – основной торговый посредник между Византией и государствами Северной Африки, а также лангобардской Италией в X в. – был *de facto* независимым от Византии городом с середины IX в., однако находился под политическим влиянием неаполитанских герцогов (о пионерской роли Амальфи в развитии европейской торговли с исламским Востоком см. [Balard 2006; Jacoby 1995]).

⁵ Согласно Т. Курану, в исламских городах не развилась “корпоративная идентичность”, архитектурным выражением которой в европейских городах были ратуши [Kuran 2012, 103].

⁶ Так, в мусульманских государствах, также испытывавших периоды ослабления центральной власти, даже богатые города, такие как Каир или Багдад, не имели свободы самоуправления, сравнимой со свободой итальянских коммун [Lapidus 1984; Amabe 2016].

ку, не обладая большими ресурсами и опытом управления, жители этих городов смогли на базе традиционного народного собрания создать стабильную систему делегирования и распределения полномочий для быстрого и организованного решения политических вопросов. Коммунальное движение привлекает столь активное внимание ученых, потому что горожанам, отстаившим свою политическую автономию, удалось эффективно решить задачу организации коллективного действия и фактически с чистого листа создать систему координации большой (свыше нескольких тысяч человек) социальной группы, не основанную на жесткой иерархии и репрессиях.

Средневековые коммуны Италии не перенимали готовые модели политического управления; они *изобретали* эти модели и сами генерировали образцы для подражания. Главной новацией, имеющей, впрочем, некоторое сходство с устройством древнерусского Новгорода, были регулярные выборы должностных лиц, причем условия избрания на административную должность были необыкновенно демократичны для той эпохи [Waley, Dean 2010, p. 34]. Епископ Отто Фрейзингский, немецкий аристократ, современник “коммунальной революции”, с негодованием отмечал, что высокие должности, традиционно предоставлявшиеся знати, в итальянских коммунах занимают простолюдины и работники “презренных механических искусств”, то есть ремесленники [Wickham 2015, p. 52]. Он, вероятно, ужаснулся бы, узнав, что спустя пару столетий от кредитов потомков этих простолюдинов станут зависеть судьбы королей и целых империй.

В Генуе слово “компания” (“*compagna communis*”) означало как объединение граждан, связанных клятвой на верность коммуне, так и военную организацию граждан для обороны города [Beneš 2018, p. 101]. Примечательно, что почти одновременно с появлением слов “компания” и “коммуна” в генуэзских письменных источниках встречается слово “*parlamentum*”, означавшее форум или собрание, на котором вступающие в компанию приносили клятву [Beneš 2018, p. 106–107]. Таким образом, ранняя генуэзская коммуна напоминала как деловое партнерство, товарищество (“*compagna*” буквально означает сообщество людей, разделяющих между собой хлеб (см. [Abulafia 2011, p. 276]), так и военную единицу.

Связь между экономическим лидерством и силовым давлением для достижения коммерческих интересов иллюстрирует отношения между итальянскими морскими республиками и исламским миром. Взамен на обещание генуэзцев не нападать на Майорку и не помогать другим странам в организации пиратских рейдов эмир острова предоставил им по договору 1188 г. право беспошлинной торговли и постоянного торгового представительства [Epstein 2009, p. 127; Beneš 2018, p. 401]. Реальная перспектива вооруженного нападения и шантаж позволяли более сильной стороне – итальянским портовым городам добиваться выгодных условий в торговле с мусульманскими странами, и в первую очередь права обустроить свои “конторы”. Позднее венецианцы применили эту модель силового купечества в отношениях с Византией, выторговав многочисленные льготы в результате организованного ими же Четвертого крестового похода. Более того, в начале XIII в. они овладели многими византийскими островами в Эгейском море, включая Крит. К XII в. лидерам итальянских портовых городов было ясно, что для устранения конкурентов в борьбе за выгодные условия торговли пригодны любые средства, не исключая военных (о чем свидетельствуют конфликты Пизы с Амальфи и Генуей⁷). Ранним

⁷ Победа Пизы над Амальфи, а затем Генуи над Пизой иллюстрирует растущее участие Северной Италии и регионов на территории современной Франции в средиземноморской торговле. Возвышение Пизы и Генуи было обусловлено, помимо прочего, тесными контактами с империей Каролингов, которые были более заинтересованы в импорте иностранных (прежде всего, ориентальных) товаров, чем лангобарды [Eickhoff 1966, S. 374–375]. Возможно, основная причина превосходства Генуи над Пизой и южноитальянскими портовыми городами состояла в близости этого города к важнейшим торговым артериям Западной и Северной Европы XI–XIII вв. – Via Imperii и пути из Прованса, центральной Франции и Фландрии.

примером протекционизма были жесткие пошлины на импорт товаров мусульманского Востока, ввозимых по морю, которые ввели в XII в. Генуя и Венеция [Sieveking 1898, S. 30].

Д. Стэсеведж справедливо указал на то, что государственный долг впервые возник в свободных городах-государствах и лишь позднее, в XIII в., вошел в обиход таких территориальных государств, как Англия и Франция [Stasavage 2016^b]. Однако наблюдение Стэсеведжа следует дополнить двумя уточнениями. Во-первых, государственный долг появился не во всех итальянских коммунах, а именно в тех, которые финансировали военно-морские кампании: свои собственные и “коалиционные” – походы крестоносцев. Речь идет в первую очередь о Генуе. В ранний период торговой экспансии (до середины XII в.) генуэзская коммуна брала кредиты у банкиров из соседней коммуны Пьяченца, которые таким образом софинансировали военно-морские операции генуэзцев против испанских мусульман (атаки на Альмерию и Тортосу в 1146–1147 гг., см. [Beneš 2018, p. 412]). Появление государственного долга в Генуе, частных займов правительству под определенные проекты (“*compere*”) было связано с финансированием военных экспедиций, целью которых было обеспечение контроля за морскими торговыми путями [Beneš 2018, p. 430; Tracy 2003, p. 20].

Во-вторых, поскольку кредиторами выступали сами генуэзские граждане, вероятность дефолта была крайне низка и у правительства существовали стимулы создавать максимально эффективную систему сбора налогов, часть которых направлялась на аннуитеты [Beneš 2018, p. 117]. В Венеции первые упоминания о ссуде частных лиц государству датируются 1164 г., а о долгосрочном государственном долге – 1262 г. [Fritschy 2017, p. 233; Tracy 2003, p. 21]. При этом особенность венецианского государственного долга состояла в том, что ссуды были главным образом “принудительными займами”, навязываемыми правительством представителям богатых родов, с возможностью получения отсроченных процентов по выгодной ставке. Здесь, как и в Генуе, выполнение государством обязательств по выплате долговых процентов обеспечивалось тем, что многие кредиторы Венеции были представителями экономической и политической элиты республики, заинтересованной в эффективной налоговой системе [Fratianni, Spinelli 2006, p. 263].

В литературе о североитальянских свободных городах часто отмечается “сращивание” экономической и политической элиты, однако отношения между экономической верхушкой и олигархией (правлящей группой, также состоящей преимущественно из представителей наиболее состоятельных семей) не всегда были гладкими. У правящей элиты по мере увеличения городского бюджета и разрастания управленческого аппарата появлялись серьезные рычаги влияния на различные группы интересов, в частности с помощью распределения средств (например, на военные кампании). Кроме того, суверенный долг был инвестицией в укрепление военной конкурентоспособности города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М. Политика как призвание и профессия (<https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6064>).
- Капелюшников Р.И. (2018) О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Куда движется современная экономическая наука? М.: Институт экономики РАН. С. 8–33.
- Комнина А. (1965) Алекснада. М.: Наука.
- Либман А. (2018) Эмпирические исследования в экономике: “революция достоверности”? // Куда движется современная экономическая наука? М.: Институт экономики РАН. С. 34–52.
- Матвеев И. (2018) Государство как независимая переменная: “организационный реализм” в исторической социологии и российский случай // Неприкосновенный запас. № 118. (<http://magazines.russ.ru/nz/2018/2/gosudarstvo-kak-nezavisimaya-peremennaya.html>).
- Рюшмайер Д., Эванс П. (2011) Государство и экономические преобразования. К анализу условий эффективного государственного вмешательства // Экономическая социология. Т. 12. № 3. С. 54–84.

- Abulafia D. (2011) *The Great Sea: A Human History of the Mediterranean*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Acemoglu D., Robinson J. (2012) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Business.
- Amabe F. (2016) *Urban Autonomy in Medieval Islam*. Leiden; Boston: Brill.
- Anthonsen M., Löfgren Å., Nilsson K., Westerlund J. (2012) Effects of Rent Dependency on Quality of Government // *Economics of Government*. Vol. 13. No. 2. Pp. 145–168.
- Bairoch P., Batou J., Chèvre, P. (eds.) (1988) *The Population of European Cities from 800 to 1850*. Genève: Center of International Economic History.
- Balard M. (2006) *Les Latins en Orient, XI^e–XV^e siècle*. Paris: Presses universitaires de France.
- Bates R., Lien D.-H. (1985) A Note on Taxation, Development and Representative Government // *Politics & Society*. Vol. 14. No. 1. Pp. 53–70.
- Bell A., Brooks C., Moore T. (2008) Interest in Medieval Accounts: Examples from England, 1272–1340 // *ICMA Centre Discussion Papers in Finance*. DP 2008-07.
- Beneš C. (ed.) (2018) *A Companion to Medieval Genoa*. Leiden; Boston: Brill.
- Besley T., Persson T. (2011) *Pillars of Prosperity. The Political Economics of Development Clusters*. Princeton; London: Princeton Univ. Press.
- Bonney R. (ed.) (1999) *The Rise of the Fiscal State in Europe, c. 1200–1815*. Oxford, New York: Oxford Univ. Press.
- Brautigam D., Fjeldstad, O.-H., Moore M. (2008) *Taxation and State-Building in Developing Countries: Capacity and Consent*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Brewer J. (1989) *The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688–1785*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Dincecco M. (2015) The Rise of Effective States in Europe // *The Journal of Economic History*. Vol. 75. No. 3. Pp. 901–918.
- Drelichman M., Voth H.-J. (2014) *Lending to the Borrower from Hell. Debt, Taxes, and Default in the Age of Philip II*. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press.
- Eickhoff E. (1966) *Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. Das Mittelmeer unter byzantinischer und arabischer Hegemonie*. Berlin: De Gruyter.
- Epstein S. A. (2009) *An Economic and Social History of Later Medieval Europe, 1000–1500*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Fратиanni M., Spinelli F. (2006) Italian City-States and Financial Evolution // *European Review of Economic History*. Vol. 10. No. 3. Pp. 257–278.
- Fritschy W. (2017) *Public Finance of the Dutch Republic in Comparative Perspective. The Viability of an Early Modern Federal State (1570s–1795)*. Leiden: Brill.
- Gennaioli N., Voth H.-J. (2015) State Capacity and Military Conflict // *Review of Economic Studies*. Vol. 83. Pp. 1–47.
- Gies J., Gies F. (1972) *Merchants and Moneymen. The Commercial Revolution, 1000–1500*. New York: Thomas Y. Crowell Co.
- Glete J. (2002) *War and the State in Early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as Fiscal-Military States, 1500-1660*. London; New York: Routledge.
- Goitein S. D. (1999) *A Mediterranean Society: The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza*. Vol. I.: Economic Foundations. Berkeley: Univ. of California Press.
- Greif A. (1998) Self-Enforcing Political system and Economic Growth: Late Medieval Genoa // Bates R., Greif A., Levi M., Rosenthal J.-L., Weingast B. (eds.) *Analytic Narratives*. Princeton: Princeton Univ. Press. Pp. 23–63.
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2016) Long-Term Persistence // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 14. No. 6. Pp. 1401–1436.
- Jacob M. (2010) *Long-Term Persistence: The Free and Imperial City Experience in Germany*. SSRN Working paper.
- Jacoby D. (1995) Les Italiens en Égypte aux XII^e et XIII^e siècles: Du comptoir à la colonie? // Balard M., Ducellier A. (eds.) *Coloniser au Moyen Âge*. Paris: Armand Colin. Pp. 76–89.
- Johnson N., Koyama M. (2017) States and Economic Growth: Capacity and Constraints // *Explorations in Economic History*. Vol. 64. Pp. 1–20.
- Johnson N., Koyama M. (2014) Tax Farming and the Origins of State Capacity in England and France // *Explorations in Economic History*. Vol. 51. Pp. 1–20.

- Karaman K., Pamuk Ş. (2013) Different Paths to the Modern State in Europe: The Interaction Between Warfare, Economic Structure, and Political Regime // *American Political Science Review*. Vol. 107. No. 3. Pp. 603–626.
- Karaman K., Pamuk Ş. (2010) Ottoman State Finances in European Perspective, 1500–1914 // *Journal of Economic History*. Vol. 70. No. 3. Pp. 593–629.
- Kuran T. (2012) *The Long Divergence: How Islamic Law Held Back the Middle East*. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press.
- Lapidus I. (1984) *Muslim Cities in the Later Middle Ages*. Student edition. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. (1999) The Quality of Government // *The Journal of Law, Economics, and Organization*. Vol. 15. No. 1. Pp. 222–279.
- Levi M. (1988) *Of Rule and Revenue*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Lopez R. S. (1971) *The Commercial Revolution of the Middle Ages, 950–1350*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.
- Nunn N. (2009) The Importance of History for Economic Development // *Annual Review of Economics*. Vol. 1. No. 1. Pp. 65–92.
- Pomerantz K. (2000) *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Rice E., Grafton A. (1994) *The Foundations of Early Modern Europe, 1460–1559*. New York; London: W. W. Norton & Co.
- Roberts M. (1955) *The Military Revolution, 1560–1660*. Belfast: M. Boyd.
- Ross M. (2004) Does Taxation Lead to Representation? // *British Journal of Political Science*. Vol. 34. No. 2. Pp. 229–249.
- Ross M. (2015) What Have We Learned About the Resource Curse? // *Annual Review of Political Science*. Vol. 18. Pp. 239–259.
- Rubin J. (2017) *Rulers, Religion, and Riches: Why the West Got Rich and the Middle East Did Not*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Schumpeter J. (1976) Die Krise des Steuerstaates // Goldscheid R., Schumpeter J. *Die Finanzkrise des Steuerstaates. Beiträge zur politischen Ökonomie der Staatsfinanzen*. Frankfurt/Main: Suhrkamp. Pp. 329–379.
- Sievekling H. (1898) *Genuaer Finanzwesen mit besonderer Berücksichtigung der Casa Di S. Georgio*. 1: Genuaer Finanzwesen vom 12. Bis 14. Jahrhundert. Freiburg im. Bresgau: Mohr.
- Stasavage D. (2016^a) Representation and Consent: Why They Arose in Europe and Not Elsewhere // *Annual Review of Political Science*. Vol. 19. Pp. 145–162.
- Stasavage D. (2016^b) What We Can Learn From the Early History of Sovereign Debt // *Explorations in Economic History*. Vol. 59. No. 1. Pp. 1–16.
- Tilly C. (1985) War Making and State Making as Organized Crime // Besteman C. (ed.) *Violence: A Reader*. New York: New York Univ. Press. Pp. 35–60.
- Tracy J. (2003) On the Dual Origins of Long-Term Urban Debt in Medieval Europe // Boone M., Davids K., Janssens P. (eds.) *Urban Public Debts. Urban Government and the Market for Annuities in Western Europe (14th–18th centuries)*. Turnhout: Brepols Publishers. Pp. 13–27.
- van Zanden J. L., Buringh E., Bosker M. (2012) The Rise and Decline of European Parliaments, 1188–1789 // *Economic History Review*. Vol. 65. No. 3. Pp. 835–861.
- Waley D., Dean T. (2010) *The Italian City-Republics*. London: Routledge.
- Wickham C. (2016) *Medieval Europe*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Wickham C. (2015) *Sleepwalking Into a New World: The Emergence of Italian Communes in the Twelfth Century*. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press.

REFERENCES

- Abulafia D. (2011) *The Great Sea: A Human History of the Mediterranean*. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Acemoglu D., Robinson J. (2012) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Business.
- Amabe F. (2016) *Urban Autonomy in Medieval Islam*. Leiden; Boston: Brill.
- Anthonsen M., Löfgren Å., Nilsson K., Westerlund J. (2012) Effects of rent dependency on quality of government. *Economics of Government*, vol. 13, no. 2, pp. 145–168.

- Bairoch P., Batou J., Chèvre, P. (eds.) (1988) *The Population of European Cities from 800 to 1850*. Genève: Center of International Economic History.
- Balard M. (2006) *Les Latins en Orient, XI^e–XV^e siècle*. Paris: Presses universitaires de France.
- Bates R., Lien D.-H. (1985) A note on taxation, development and representative government. *Politics & Society*, vol. 14, no. 1, pp. 53–70.
- Bell A., Brooks C., Moore T. (2008) Interest in Medieval Accounts: Examples from England, 1272–1340. *ICMA Centre Discussion Papers in Finance*. DP 2008-07.
- Beneš C. (ed.) (2018) *A Companion to Medieval Genoa*. Leiden; Boston: Brill.
- Besley T., Persson T. (2011) *Pillars of Prosperity. The Political Economics of Development Clusters*. Princeton; London: Princeton Univ. Press.
- Bonney R. (ed.) (1999) *The Rise of the Fiscal State in Europe, c. 1200–1815*. Oxford; New York: Oxford Univ. Press.
- Brautigam D., Fjeldstad, O.-H., Moore M. (2008) *Taxation and State-Building in Developing Countries: Capacity and Consent*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Brewer J. (1989) *The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688–1785*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Dincecco M. (2015) The rise of effective states in Europe. *The Journal of Economic History*, vol. 75, no. 3, pp. 901–918.
- Drelichman M., Voth H.-J. (2014) *Lending to the Borrower from Hell. Debt, Taxes, and Default in the Age of Philip II*. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press.
- Eickhoff E. (1966) *Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. Das Mittelmeer unter byzantinischer und arabischer Hegemonie*. Berlin: De Gruyter.
- Epstein S. A. (2009) *An Economic and Social History of Later Medieval Europe, 1000–1500*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Fратиanni M., Spinelli F. (2006) Italian city-states and financial evolution. *European Review of Economic History*, vol. 10, no. 3, pp. 257–278.
- Fritschy W. (2017) *Public Finance of the Dutch Republic in Comparative Perspective. The Viability of an Early Modern Federal State (1570s–1795)*. Leiden: Brill.
- Gennaioli N., Voth H.-J. (2015) State capacity and military conflict. *Review of Economic Studies*, vol. 83, pp. 1–47.
- Gies J., Gies F. (1972) *Merchants and Moneymen. The Commercial Revolution, 1000–1500*. New York: Thomas Y. Crowell Co.
- Glete J. (2002) *War and the State in Early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as Fiscal-Military States, 1500–1660*. London; New York: Routledge.
- Goitein S. D. (1999) *A Mediterranean Society: The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza. Vol. I.: Economic Foundations*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Greif A. (1998) Self-enforcing political system and economic growth: late medieval Genoa. Bates R., Greif A., Levi M., Rosenthal J.-L., Weingast B. (eds.) *Analytic Narratives*. Princeton: Princeton Univ. Press, pp. 23–63.
- Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2016) Long-term persistence. *Journal of the European Economic Association*, vol. 14, no. 6, pp. 1401–1436.
- Jacob M. (2010) Long-term Persistence: the Free and Imperial City experience in Germany. *SSRN Working paper*.
- Jacoby D. (1995) Les Italiens en Égypte aux XII^e et XIII^e siècles: Du comptoir à la colonie? *Coloniser au Moyen Âge*. Balard M., Ducellier A. (eds.). Paris: Armand Colin, pp. 76–89.
- Johnson N., Koyama M. (2017) States and economic growth: capacity and constraints. *Explorations in Economic History*, vol. 64, pp. 1–20.
- Johnson N., Koyama M. (2014) Tax farming and the origins of state capacity in England and France. *Explorations in Economic History*, vol. 51, pp. 1–20.
- Kapelyushnikov R.I. (2018) O sovremenennom sostoyanii ekonomicheskoy nauki: polysociologicheskie nabljudeniya [On the current state of economic science: semi-sociological observations]. *Kuda dvizhetsya sovremennaya ekonomicheskaya nauka?* [Where is current economic moving?]. Moscow: Institut ekonomiki RAN, pp. 8–33.
- Karaman K., Pamuk Ş. (2013) Different paths to the modern state in Europe: the interaction between warfare, economic structure, and political regime. *American Political Science Review*, vol. 107, no. 3, pp. 603–626.
- Karaman K., Pamuk Ş. (2010) Ottoman state finances in European perspective, 1500–1914. *Journal of Economic History*, vol. 70, no. 3, pp. 593–629.

- Komnene A. (1965) *Aleksiada* [Alexiad]. Moscow: Nauka.
- Kuran T. (2012) *The Long Divergence: How Islamic Law Held Back the Middle East*. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press.
- Lapidus I. (1984) *Muslim Cities in the Later Middle Ages*. Student edition. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. (1999) The quality of government. *The journal of law, economics, and organization*, vol. 15, no. 1, pp. 222–279.
- Levi M. (1988) *Of Rule and Revenue*. Berkeley: Univ. of California Press.
- Libman A. (2018) Empiricheskie issledovaniya v ekonomike: “revolyutsiya dostovernosti”? [Empirical studies in economics: a “revolution of credibility”?]. *Kuda dvizhetsya sovremennaya ekonomicheskaya nauka?* [Where is current economic moving?]. Moscow: Institut ekonomiki RAN, pp. 34–52.
- Lopez R. S. (1971) *The Commercial Revolution of the Middle Ages, 950–1350*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.
- Matveyev I. (2018) Gosudarstvo kak nesavisimmaya peremennaya: “organizatsionnyi realizm” v istoricheskoy sotsiologii i rossiyskiy sluchay [The state as an independent variable: “organizational realism” in historical sociology and the case of Russia]. *Neprikosnovennyi zapas*, vol. 118. (<http://magazines.russ.ru/nz/2018/2/gosudarstvo-kak-nezavisimaya-peremennaya.html>).
- Nunn N. (2009) The importance of history for economic development. *Annual Review of Economics*, vol. 1, no. 1, pp. 65–92.
- Pomerantz K. (2000) *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Rice E., Grafton A. (1994) *The Foundations of Early Modern Europe, 1460–1559*. New York; London: W. W. Norton & Co.
- Roberts M. (1955) *The Military Revolution, 1560–1660*. Belfast: M. Boyd.
- Ross M. (2004) Does taxation lead to representation? *British Journal of Political Science*, vol. 34, no. 2, pp. 229–249.
- Ross M. (2015) What have we learned about the resource curse? *Annual Review of Political Science*, vol. 18, pp. 239–259.
- Rubin J. (2017) *Rulers, Religion, and Riches: Why the West Got Rich and the Middle East Did Not*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Rueschemeyer D., Evans P. (2011) Gosudarstvo i ekonomicheskie preobrazovaniya. K analizu usloviy effektivnogo gosudarstvennogo vmeshatel'stva [The state and economic transformations: On the analysis of the conditions of effective state intervention]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 12, no. 3, pp. 54–84.
- Schumpeter J. (1976) Die Krise des Steuerstaates. Goldscheid R., Schumpeter J. *Die Finanzkrise des Steuerstaates. Beiträge zur politischen Ökonomie der Staatsfinanzen*. Frankfurt: Suhrkamp, pp. 329–379.
- Sievekling H. (1898) *Genueser Finanzwesen mit besonderer Berücksichtigung der Casa Di S. Georgio. I: Genueser Finanzwesen vom 12. bis 14. Jahrhundert*. Freiburg im Breisgau.: Mohr.
- Stasavage D. (2016^a) Representation and consent: why they arose in Europe and not elsewhere. *Annual Review of Political Science*, vol. 19, pp. 145–162.
- Stasavage D. (2016^b) What we can learn from the early history of sovereign debt. *Explorations in Economic History*, vol. 59, no. 1, pp. 1–16.
- Tilly C. (1985) War making and state making as organized crime. *Violence: A Reader*. Besteman C. (ed.). New York: New York Univ. Press, pp. 35–60.
- Tracy J. (2003) On the dual origins of long-term urban debt in medieval Europe. *Urban Public Debts. Urban Government and the Market for Annuities in Western Europe (14th–18th centuries)*. Boone M., Davids K., Janssens P. (eds.). Turnhout: Brepols Publishers, pp. 13–27.
- Waley D., Dean T. (2010) *The Italian City-Republics*. London: Routledge.
- Weber M. *Politika kak prizvanie i professiya* [Politics as a vocation and profession] (<https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6064>).
- Wickham C. (2016) *Medieval Europe*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Wickham C. (2015) *Sleepwalking Into a New World: The Emergence of Italian Communes in the Twelfth Century*. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press.
- van Zanden J.L., Buringh E., Bosker M. (2012) The rise and decline of European parliaments, 1188–1789. *Economic History Review*, vol. 65, no. 3, pp. 835–861.